

ДОНО-ДОНЕЦКИЙ РЕГИОН В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ:

А. Д. ПРЯХИН. ДОНО-ДОНЕЦКАЯ СТЕПЬ-ЛЕСОСТЕПЬ В ЭПОХУ БРОНЗЫ :
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ : ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО 90-Х ГГ.
XX В.). – ВОРОНЕЖ, 2008. – КНИГА 1; ДОНО-ДОНЕЦКАЯ СТЕПЬ-
ЛЕСОСТЕПЬ В ЭПОХУ БРОНЗЫ : ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ : СОВРЕМЕННЫЙ
ЭТАП. – ВОРОНЕЖ, 2010. – КНИГА 2.

В. А. Лопатин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 декабря 2010 г.

В Воронежском государственном университете с кратчайшим интервалом всего в один год вышли две книги Анатолия Дмитриевича Пряхина. Они посвящены истории археологических исследований и движения научной мысли в области археологии, что мы привычно называем историографией и, даже не задумываясь, поскольку это предписано академическими правилами, оснащаем все наши статьи, монографии, диссертации соответствующими вступительными экзерсисами. Этим «обычным» делом профессор ВГУ, доктор исторических наук А. Д. Пряхин занимается давно и с любовью и признан на этом поприще в масштабах всероссийских. Не случайно именно он в настоящее время возглавляет Лабораторию историографии археологии Евразии, созданную в Научно-образовательном отделе Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук при участии Воронежского государственного университета в 1999 г. В деятельности лаборатории определены несколько основных направлений фундаментальных исследований:

- периодизация, оценка периодов и этапов развития отечественной археологии (русской, советской, российской);
- научное наследие выдающихся представителей отечественной археологии;
- история развития археологии в классических университетах страны, взаимодействие академической и университетской науки;
- история изучения древних скотоводов евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы;
- становление и развитие региональных археологических центров (на примере юга Центральной России) [1, с. 126].

В поле зрения данного исследовательского центра сосредоточен весьма широкий спектр научно-образовательных задач, которые успешно реализуются в проведении конференций и

рабочих совещаний по историографии археологии Евразии, в издании учебных пособий, библиографических указателей, научных сборников и монографий, посвященных истории нашей науки.

Казалось бы, какое непосредственное отношение имеет такая унылая (как может показаться некоторым читателям) информация к рецензируемым двум книгам зеленого цвета, лежащим на моем столе, которые невозможно читать непрерывно большими частями, этот текст не из легких, надо быть готовым к такой литературе, думать над каждой строкой. Из сказанного выше особенно важно то, что десять лет тому назад в одном из научно-образовательных центров СО РАН был взят курс на принципиально новое, всеобъемлющее (это видно из пунктов программы) осмысление гигантского блока информации, в котором заложены многочисленные уровни, системы связей и векторы развития одной из важнейших гуманитарных наук современности.

Взять всем миром и осмыслить нечто очень *большое* – это у нас было неоднократно, да только заканчивалось такое стихийное, а чаще чрезмерно заорганизованное движение иногда провалами (и даже пальцем не надо показывать, все знают и помнят). Поэтому в ожидании *больших* итогов вдаль мы теперь вглядываемся немного с опаской, а вдруг..? Ведь именно в этот период постсоветской растерянности по поводу отсутствия устойчивой методологии науки* появилось множество диссертаций, книг и статей

* Кстати сказать, публикации А. Д. Пряхина советского времени нельзя упрекнуть в идеологическом начетничестве, в постперестроечное время ему удалось избежать увлечения непозитивными посылами неоевразийства, а в настоящее время, осторожно нащупывая векторы цивилизационного подхода, он тем не менее, остается на позициях принципа историзма в археологических исследованиях.

на заданную тему: по истории археологии, с анализом деятельности научных центров и развития различных школ, с оценкой творческих путей и личных вкладов. Среди них есть и мемуаристика весьма сомнительного толка.

В отличие от многих публикаций по историографии и истории науки в двух очень сложных для чтения книгах А. Д. Пряхина заложена зримая линия беспристрастности. В них властвует принцип озвученной выше программности, четкой спланированности анализа и подачи сведений, сухости и даже некоторой лапидарности выводов. Все главы монографии лаконичны и сжаты до предела, и тема каждой из них, а не только вводной главы «К истории изучения...» (как отмечено академиком В. И. Молодиным в предисловии к первой книге [2, с. 5]), может быть предметом отдельного фундаментального исследования. Что окончательно становится ясно уже с первых страниц, здесь нет места эмоциям и безапелляционности в суждениях, личное отношение автора к той или иной концепции как бы за кадром, но собственная точка зрения имеется всегда и предлагается как единомыслие либо в качестве альтернативы.

Пространство и время нового историографического исследования – излюбленная тема А. Д. Пряхина : Доно-Донетчина, бронзовый век. Высокая, исторически судьбоносная значимость этого региона в предцивилизационных процессах поздней первобытности неоспорима. Это пространство органично соединяло Северное Причерноморье и Волго-Уралье, западные и восточные культуры – единым евразийским поясом прогрессивных инноваций палеометаллической эпохи. Это весьма существенно, поскольку именно в степной и лесостепной Евразии окончательно оформились такие великие достижения общемировой цивилизации, как высокопродуктивное животноводство (одна из ведущих отраслей современной системы жизнеобеспечения), колесный транспорт, высокотехнологичная металлургия бронзы. Здесь сложились культурообразующие направления в развитии ираноязычного мира с вторым по численности (после китайского) населением нашей планеты, крупнейшие устные эпосы сокровенного знания (Ригведа, Авеста, Махабхарата, Рамаяна), позже зафиксированные письменно на фарси и санскрите и ставшие классикой мировой литературы. Ужасный гений технического прогресса – война – уже в бронзовом веке обрел в степях Евразии зримые геополитические очертания. Эти достижения и события реально подвели скотоводческое индоиранское население обширного региона к рубежу, за которым

должна была начаться уже историческая фаза развития. Блестящие цивилизации, созданные наследниками великих евразийских культур эпохи бронзы, возвысились в I тысячелетии до н.э., но уже в другом пространстве – от Месопотамии до Гималаев.

За тысячу лет до указанного периода Донской регион представлял собой очень важный фрагмент континентального пространства, в котором интегрировался мощный потенциал культурно-технологической динамики. Не случайно памятники этого времени, открытые в Подонье, на протяжении всей истории дореволюционной, советской, российской археологии привлекали пристальное внимание исследователей. Собственно сама археология бронзового века, как отмечено А. Д. Пряхиным во второй главе первой книги рецензируемого издания [3, с. 67–77], началась с исследований В. А. Городцова, в том числе и в пределах Доно-Донецкого региона. В дальнейшем осмыслении проблем периодизации и хронологии бронзового века Юга России от Днепра до Волги неизменно присутствуют материалы из нижнедонских, донецких и среднедонских археологических комплексов.

Не может не импонировать оценка автором уникальной ландшафтно-географической ситуации в восточных пределах Подонья [3, с. 10–11], где оно плотно смыкается с Поволжьем и где, как это всё более заметно по уникальным материалам новых раскопок, очевидно, лежит ключ к пониманию сложнейших процессов культурогенеза на рубеже эпох средней и поздней бронзы. В первой книге А. Д. Пряхина поставлен сложный вопрос о территориальном соотношении таких геополитически ключевых пространств, как донской бассейн и волжское правобережье (в немалой степени это важно для стыков региона с Предкавказьем и Поднепровьем). В многочисленных работах по археологии это соотношение Волги и Дона, хотя и декларируется, как имеющее важное значение, но выглядит размытым, неаргументированным и слабо подтверждающим теоретические выводы о преемственности, взаимодействии или трансформации культур. Эквилибристика такими вариантами определений, как Доно-Волжское или Волго-Донское междуречье, возможно, имеющими оттенки некоего «мелкопоместного» приоритета, заведомо ведет в тупик. Действительно, а где же проходит эта мифическая линия, разделяющая Поволжье и Подонье, и где на западе заканчивается волжское правобережье? Как ответить на этот вопрос, если выбросить из череды стереотипов хотя бы такой, как современное административно-географическое деление, в кон-

тексте которого к Нижнему Поволжью, например, относят Калмыкию, часть Пензенской области, саратовские земли по Иловле, Медведице, Хопру?

По своему ландшафтному положению Дон – уникальная река ледникового происхождения. От истоков долго течет на юго-восток, но на широте современного Волгограда, всего в 90 км от Волги, южные отроги Приволжской возвышенности ломают его «через колено» и, образуя резкую излучину, река поворачивает на юго-запад, фактически в противоположную сторону к азово-черноморскому бассейну. Возможно, в раннем голоцене, при катастрофических паводковых режимах Дон мог бы соединиться с Волгой или одним из ее рукавов, оставивших и поныне заболоченную Сарпинскую низменность на границе Волгоградской области и Калмыкии. И тогда он стал бы частью волжского бассейна, географическая карта Восточной Европы выглядела бы совершенно иначе, по-другому пошла бы история. Но в реалиях две крупнейшие речные системы строго разделены Приволжской возвышенностью, и только не севере междуречья мелкие притоки Волги и Дона создают уникальную ситуацию контактности, ведь общеизвестно, что реки – это главные пути древних эпох. Только речные системы – жизненно важные артерии – формировали миры древности и определяли их своеобразные черты.

Значительное пространство приволжского (по традиционной номенклатуре) правобережья пересекается реками, которые являются частью донского бассейна (Иловля, Медведица, Хопер). На севере Волго-Донского междуречья истоки этих рек близки началу окских притоков (Уза, Сура, Мокша, Вад, Выша), здесь же начинают свое течение реки, впадающие в Волгу (Курдюм, Чардым, Терешка). Особое значение имеют мелкие притоки как донского, так и волжского бассейнов: Карамыш, Латрык, Изнаир, Аркадак, Аткара, Идолга, Ильиновка. Стекая с Приволжской возвышенности и Саратовских поднятий в широтных направлениях на восток и на запад, они густой сетью речных артерий связывают основные притоки Дона и Волги. В древности это были естественные и наиболее удобные магистрали перемещений скотоводческих групп населения. В связи с этим север междуречья Дона и Волги представляется предельно контактным и одним из наиболее вероятных полигонов активизации культурно-генетических процессов. Западный рубеж волжского правобережья проходит преимущественно по гребню Приволжской возвышенности, но к нему следует также относить долины рек Терешки,

Чардыма и Курдюма. Севернее Саратова они пересекают правобережное поднятие на широкие магистральные проходы, которые в бронзовом веке связывали два мира – Европу и Азию.

Особенно активными указанные движения становятся в так называемое «героическое время», на исходе средней и в начале поздней бронзы, когда в Подонье, Поволжье и Южном Приуралье были оставлены престижные воинско-вождецкие захоронения с оружием и колесницами, расцвела металлургия бронзы, обозначились клановые профессии, ориентированные на военное дело, возникали укрепленные поселения протогородского типа. Эти явления культурно-генетического порядка, несомненно, были сопряжены с активным перераспределением вмещающих ареалов, культурными диффузиями, миграциями, аккультурациями и военными противостояниями. По своей значимости они сопоставимы с такими глобальными событиями, как исторически известное в более позднюю эпоху «великое переселение народов», а по времени совпадают с движением «народов моря» в Восточном Средиземноморье*.

Археологическое видение данных процессов А. Д. Пряхиным построено на концепции становления, развития и трансформации доно-волжской абашевской культуры – любимого детища воронежского исследователя. В его книгах – это, пусть и закадровый, едва уловимый оценочный лейтмотив в историографии проблем конца средней – начала поздней бронзы, потому что носителям этой культуры автор отводит ключевую роль в процессах интеграции и становления будущего мира эпохи поздней бронзы, археологически совместимого с ареалом срубной культурно-исторической общности. Эта тема заметна, но, вместе с тем, она не подменяет общей авторской задачи – обзора и оценки исследований проблем эпохи бронзы Доно-Донецкого региона в соответствии с принятой автором периодизацией.

В первой книге рассматриваются достижения русской дореволюционной археологии, исследовательский период 20 – середины 30-х гг. XX столетия, в один этап сведены предвоенные и последующие исследования вплоть до начала второй половины 60-х гг. XX в., отдельно рассматриваются итоги развития науки в период с конца 60-х до начала 90-х гг. ушедшего века. Данная структуризация истории археологии небесспорна, но, с другой стороны, и небезосно-

* Не исключено, что это было континентальное крыло глобального процесса «великого переселения народов» в бронзовом веке.

вательна, поскольку является следствием авторского видения динамики научного знания.

К чести автора, его титанический труд по сбору фактического материала, комментируемого кратко, но весьма вдумчиво и скрупулезно, отчего иногда страдает стиль изложения, не выглядит бесполезным нагромождением фактов, сведений, результатов неких исследовательских процессов. Так же сдержанно и суховато А. Д. Пряхин подводит итоги по каждому этапу своей периодизации, обобщая не только итоги деятельности археологов, полевые изыскания, публикации и теоретические разработки, но и концептуальное видение проблем бронзового века Подонья. Демонстрация автором тенденций, в соответствии с которыми развивается наука, в целом делает подход в моделировании сложного алгоритма вполне логичным. Например, становится совершенно очевидным, что ключевой этап в развитии археологии XX столетия (30–60-е гг.) проистекал из окончательного преодоления «вещеведчества» и отказа от «стадиальных» подходов, был связан с переходом к комплексному изучению памятников археологии, с обращением к проблемам исследования хозяйственных и производственных структур первобытного общества, элементов идеологии, к систематизации и классификации материалов. В это время с открытием новых культур ранней, средней, поздней, финальной бронзы, в ходе постоянного пересмотра результатов и выводов, перманентного переосмысления культурно-хронологических схем – окончательно кристаллизуется научная парадигма бронзового века степной и лесостепной Евразии.

Данные тенденции продолжают оставаться ведущими и углубляются на завершающем этапе, включая начало 90-х гг. XX в. Складываются новые региональные исследовательские центры с активными коллективами молодых и талантливых специалистов. Разворачиваются широкомасштабные полевые исследования, в результате которых колоссально пополнилась база данных. Оформляется дискурс на коллективное осмысление проблем эпохи бронзы, и конструктивные диспуты этого счастливого времени приводят исследователей к осознанию и предметному видению в бронзовом веке степной и лесостепной Евразии глобальных явлений предцивилизационной эпохи – культурно-исторических общностей (областей) со многими своеобразными вариантами, отвечавшими принципам многокомпонентности культурогенеза. В этот период приоритеты столичных исследовательских центров утрачивают исключительность, некоторые ведущие акценты движения науки смещаются

на периферию, и археология становится общероссийской наукой. Одновременно в масштабах СССР значительно укрепились позиции национальных археологических школ союзных республик, с которыми российские центры осуществляли конструктивное сотрудничество.

Как дань объективности, четкой программности и беспристрастности в монографии (это касается обеих книг) присутствуют очень важные приложения в виде портретов и кратких биографических справок персоналий археологов – исследователей донских древностей, иллюстрации из различных публикаций, схемы периодизаций и хронологические выкладки, соответствующие определенному уровню развития научных представлений, карты, на которых показаны ареалы памятников культур бронзового века. Правда, отсутствие легенд к картам усложняет и без того титанический труд читателя, вынуждая его обращаться к первоисточнику, а вместе с тем несколько (что особенно досадно) снижает уровень энциклопедичности рецензируемой работы. Информативность книг была бы также несравненно выше, если бы под рисунками артефактов были помещены не только отсылки к изданиям, в которых публиковались те или иные комплексы, а полные списки предметов с указанием памятников.

Два последних десятилетия истории археологии, представленные во второй книге А. Д. Пряхина как современный этап, завершают общую периодизационную схему. Девяностые годы ушедшего века и начало нового столетия – это очень противоречивое время блестящих открытий и разрушения единого научного пространства в постсоветский период, подведения итогов деятельности еще недавно молодых и дерзких, но теперь уже умудренных корифеев науки, и прихода новых поколений с их дерзаниями и попытками по-новому осмыслить сложные проблемы эпохи бронзы. В это время в целях позитивного развития науки особенно актуальными становятся взаимопонимание и сотрудничество отдельных исследователей и коллективов, научная этика и объективное отношение к полемике.

Читая вторую книгу, мы чувствуем, как учащается авторский пульс при освещении некоторых современных позиций историографии бронзового века степной и лесостепной Евразии. Проблем становится больше, многоуровневые векторы археологического познания требуют более широкого территориального обзора результатов полевых исследований, анализа и синтеза научных направлений, на материалах только Доно-Донецкого региона осмысление этих про-

цессов уже невозможно. Поэтому автор, не ослабляя пристального внимания к научным достижениям, связанным непосредственно с памятниками эпохи бронзы Доно-Донетчины, совершает частые экскурсии в сопредельные регионы, где древнейшие исторические процессы развивались в том же ключе, что и на Дону (Поволжье, Кавказ, Поднепровье, Приазовье, окский бассейн).

Оценивая рассматриваемый период, А. Д. Пряхин к числу наиболее значимых достижений относит динамичное изучение «металлопроизводственной деятельности», истоки которой в регионе прослеживаются с эпохи энеолита, исследования хозяйственных систем, связанных преимущественно с пастушеским и отгонным скотоводством, разработки в области моделирования социальных структур позднепервобытных обществ, вплотную приблизившихся к порогу цивилизации в бронзовом веке. Причем оценка этих явлений звучит не только в связи с фундаментальными открытиями, сделанными за последние два десятилетия в рамках изучаемого региона, но взгляд направлен через призму общеэвразийской проблематики. Особую надежду на перспективность современных исследований вселяет активное сотрудничество российских и украинских специалистов, регулярность в консультативном общении представителей научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Ростова-на-Дону, Волгограда, Саратова, Самары, Челябинска, Екатеринбурга, Новосибирска, Оренбурга. На съездах, конференциях, рабочих совещаниях проблемы периодизации и хронологии получают все более конструктивные решения в умножающихся системах абсолют-

ных датировок, вопросы культурогенеза и культурной динамики обретают очертания обоснованных концептов, подводящих исследователей к важным выводам о происхождении и исторических судьбах индоиранцев.

По-прежнему остродискуссионными остаются проблемы Волго-Уральского очага культурогенеза, соотношений доно-волжской, средневолжской, приуральской абашевских, синташтинской культур, памятников потаповского и покровского типов, роли посткатакомбных культур в исторических процессах на территории степной и лесостепной Евразии. Разработки в данных контекстах ведутся многими исследователями и по важнейшим направлениям. Второе десятилетие нового века обещает быть чрезвычайно интересным, насыщенным острейшей полемикой в области означенной тематики. И нынешние, и грядущие события находятся под пристальным вниманием воронежского историографа, ученого с большим и признанным авторитетом, в работе которого уже третья книга на заданную тему, и это новое издание мы с нетерпением ждем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Институт археологии и этнографии / под ред. акад. А. П. Деревянко и акад. В. И. Молодина. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2006.
2. Молодин В. И. От редактора / В. И. Молодин // Пряхин А. Д. Доно-Донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы : история изучения : вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в. – Воронеж, 2008. – Книга 1.
3. Пряхин А. Д. Доно-донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы : история изучения : вторая половина XIX – начало 90-х гг. XX в. / А. Д. Пряхин. – Воронеж, 2008. – Книга 1.

Саратовский государственный университет

*Лопатин В. А., кандидат исторических наук,
заведующий научной лабораторией археологии
E-mail: rector@sgu.ru
Тел.: (845) 226-16-96*

Saratov State University

*Lopatin V. A., Candidate of the Historical
Sciences, Head of the Science Laboratory of
Archaeology
E-mail: rector@sgu.ru
Tel.: (845) 226-16-96*